

шатром. Среди песен были и русские: «Матушка», «Не вечерняя заря», «Махорка»¹⁴.

Цыганский ансамбль активно работал при ДПНВ, его руководителями в разное время были Н. Васильев, И. Масальский, Степан Кальдарас, Петр Деметр. В 1936 г. ансамбль занял первое место в смотре национальной художественной самодеятельности Ленинграда¹⁵. Большой популярностью пользовался и детский цыганский ансамбль, один из участников которого в октябре 1935 г. был отмечен как ударник: «Ибрагимов Демитрий Патешович ударник цыганского детского самодеятельного кружка неслыхано проявивший себя в кружке имея от роду всего 5 лет»¹⁶.

Во время Второй мировой войны нацисты истребляли цыган как «расово чуждую» группу. В окрестностях Ленинграда было уничтожено не менее 700 цыган, попавших в зону оккупации.

В разделах «национальный состав» переписей населения строка «цыгане» раньше обычно дополнялась пометой «точной численности установить не удалось». По переписи 1989 г., цыган в РСФСР насчитывалось 152939 чел., из них в Ленинграде было зафиксировано около 1800 чел. В 2002 г. в РФ переписали 183,5 тыс. цыган (из них около 500 чел. среднеазиатских), в том числе в Петербурге — 1278 чел. Перепись 2010 г. зафиксировала в Петербурге 890 цыган.

¹⁴ Рабочий и театр. 1931. № 3. Февр. Первая декада. С. 15.

¹⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 6. Д. 9. Л. 19–21, 33–35, 47; Д. 30. Л. 34.

¹⁶ Там же. Д. 9. Л. 26 об.

М.В. Шкаровский

Общины при почитаемых захоронениях Александро-Невской лавры в 1920–1930-х гг.

Во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. после разрушения традиционного епархиального устройства церковной жизни, закрытия многих популярных у верующих храмов и монастырей (например, в 1923 г. Иоанновского монастыря) и запрещения доступа к их святыням, особую известность в северной столице приобрели три чтимых захоронения на кладбищах Александро-Невской лавры. На Никольском кладбище таким местом была часовня над могилой блаженного Матвея Татомира. Он родился 16 ноября 1848 г. в семье приходского священника Подольской губернии, в 1867 г. окончил Каменец-Подольскую Духовную семинарию и в 1871–1876 гг. учился в Петербургском университете. В дальнейшем Матвей Татомир некоторое время жил в Каменец-Подольске, а затем стал совершать паломничества по святым местам, прожив около трех лет в Иерусалиме. По свидетельству 1931 г. лаврского иеромонаха Матфея (Челюскина) «знаменит он был тем, что ездил-паломничал на поклонение святым местам, по российским и палестинским. Последние семь лет провел в затворе в Петербурге на частной квартире на Ивановской улице дом 22, квартира 18». 17 сентября 1904 г. блаженный скончался, его погребение на престижном Никольском кладбище и возведение склепа-часовни были совершены на пожертвования ревностных почитателей¹.

¹ *Нерсесян А.В., Скакун Н.Н., Шумихина О.Н.* Блаженный Матвей Татомир, затворник Петербургский // С.-Петербургские епархиальные

И после смерти Матвея Татомира продолжали почитать как прославленного молитвенника, затворника и ревнителя Святой Троицы. Могила блаженного постепенно стала объектом народного поклонения. Согласно некоторым свидетельствам, на этой могиле любил молиться священномученик митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин. Уже к 1917 г. на надгробие блаженного клали записки с разнообразными просьбами: об исцелении от различных недугов, удачной сдаче экзаменов, получении места службы и др. Но особое распространение почитание Матвея Татомира получило с середины 1920-х гг., когда при его надгробной часовне была образована община. Ее создателем стала крестная дочь блаженного старица Любовь Матвеевна Лимонштайн. Под влиянием Матвея Татомира она перешла из лютеранства в православие и 13 лет жила у него в качестве прислуги. В дальнейшем Любовь Матвеевна поселилась вблизи Тихвинских ворот лавры в небольшой квартире по адресу: Чернорецкий пер., д. 4, кв. 15 и ежедневно посещала могилу блаженного, ухаживая за ней.

В 1922 г. у старицы появился деятельный помощник — потомственный дворянин, бывший гвардейский офицер Михаил Николаевич Челюскин. Он родился в 1892 г. в Белгороде в семье генерал-майора артиллерии, окончил Кадетский корпус и в 1913 г. Артиллерийское училище в Петрограде, затем служил штабс-капитаном во 2-й гвардейской артиллерийской бригаде, за мужество, проявленное в боях на фронтах Первой мировой войны, был награжден орденами и георгиевским оружием. С осени 1917 по август 1921 г. М.Н. Челюскин учился в Артиллерийской академии в Петрограде и после ее окончания был направлен служить руководителем опытов на артиллерийский полигон, в дальнейшем он пережил тяжелый психический кризис и несколько месяцев находился в клинике для душевнобольных. Поправившись, Михаил Николаевич резко изменил свою жизнь. 28 июля 1922 г. он демобилизовался из армии, стал ходить в Александро-Невскую лавру, познакомился с Л.М. Лимонштайн и вскоре поселился в ее квартире в Чернорецком переулке. Под диктовку старицы Челюскин написал две брошюры о жизни и чудесах блаженного, переписывал письма к ней Матвея Татомира из Иерусалима и раздавал их верующим. В 1926 г. М. Че-

---

ведомости. 2000. Вып. 23. С. 76–79; Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ СПб ЛО), ф. арх.-след. дел., д. П-32546, л. 30.

люскин был принят в число братии Александро-Невской лавры, через год наместник обители епископ Григорий (Лебедев) постриг его в монахи с именем Матфей и рукоположил во иеродиакона, а 20 декабря 1930 г. новый наместник лавры епископ Амвросий (Либин) рукоположил во иеромонаха².

О. Матфей был приписан к Свято-Духовской церкви обители, но ежедневно в 9 часов утра проводил службу в часовне Матвея Татомира. Почитание блаженного быстро росло, и обеспокоенные городские власти еще в середине 1920-х гг. попытались противодействовать репрессивными мерами. В это время верующие старались сохранить и комнату на Ивановской улице, где когда-то жил Матвей Татомир, «как святое место», но возглавлявшую это начинание Софью Андреевну Матюшенко арестовали, а комнату опечатали. В 1925 г. был закрыт и свободный доступ к захоронению блаженного. Сообщая об этом в небольшой заметке, «Красная газета» объясняла причину закрытия «гигиеническими соображениями» и «лихоимством» священнослужителей, якобы собиравших плату за вход в часовню. Однако этот запрет уже вскоре практически перестал выполняться. Верующие ставили в склепе свечи, уносили песочек и деревянное масло с могилы, считая его целебным, причем существовало поверье, что если посыпать песком порог квартиры, то обысков и арестов не будет. Кроме того, в квартире Л.М. Лимонштайн перед иконой св. Софии, у которой когда-то молился блаженный Матвей, постоянно служились молебны. Почитая икону чудотворной, ее часто носили по домам верующих³.

Интересные воспоминания о лаврских почитателях Матвея Татомира оставил церковный писатель А. Краснов-Левитин: «На Никольском кладбище часовня, на часовне крест с голубком. Могила блаженного Матфея... Наверху икона Божией Матери и аналой с крестом и Евангелием, панихидный столик. Иеромонахи здесь служили панихиды. Затем спуск вниз, подземелье. Большой деревянный гроб; туда в щелочку опускали записочки с прошениями. А около часовни — община. Во главе — Любовь Матвеевна. (Ее заброшенная могилка и сейчас против часовни, без креста и надписи.) Старушка вся в светлом, седая, в белом платье, в белой косынке, со светлыми четками в руках... Жила на задах лавры, у Тихвин-

---

² Там же, л. 27–31.

³ Там же, л. 31–32; *Нерсеян А.В., Скаун Н.Н., Шумихина О.Н.* Указ. соч. С. 76; Красная газета. 1925. 1 июня. № 147.

ских ворот. В небольшой ее комнатке, как в часовне, много икон, пахнет ладаном. А на кухне жил мой приятель отец Матфей... Во время войны — боевой офицер, драгун. Был контужен и ранен. После революции пристрастился к лавре, стал близким человеком к Любове Матфеевне, все свое время проводил в часовне, на могиле блаженного Матфея. Особенно усилилась его привязанность к Любове Матфеевне после смерти матери — глубоко религиозной женщины, единственного близкого человека. Жил он на кухне, спал на жесткой скамейке, подложив под голову (по «Добротолубию») полено. Бывшему офицеру, крепкому, здоровому мужчине, нелегко ему, видимо, давался аскетизм. В 1926 г. постриг его преосвященный Григорий в монахи с именем «Матфей» и рукоположил в иеродиакона. Вечно водил он под руку Любовь Матфеевну, старенькую, дряхлую, едва-едва ходившую...

К Любове Матфеевне меня привела, когда мне было 11 лет, одна женщина из лаврских. Любовь Матфеевна меня полюбила. Подружился со мной и отец Матфей, давший мне краткую характеристику с чисто военной прямоотой: «Да, ничего. Хороший жиденок». Особенно укрепилась наша дружба с отцом Матфеем после смерти Любви Матфеевны. Целыми часами просиживал я у отца Матфея на кухне. Время в спорах шло быстро. Он был ярый монархист, я же уже тогда поражал его своей левизной. Называл он меня обычно «Толька-футурист»...»⁴

Старица-слепица Любовь скончалась в 90-летнем возрасте в 1929 г. и действительно была захоронена вблизи погребения блаженного. О. Матфей остался жить в Чернорецком переулке и возглавил общину при часовне Матвея Татомира. По свидетельству архим. Иоасафа (Журманова), «Челюскин после смерти Л.М. Лимонштайн, несмотря на закрытие склепа, ухитрялся в часовне бывать и пропускать в склеп особенно ревностных почитателей Матвея». Епископ Николай (Ярушевич) также осенью 1931 г. подтвердил на допросе в качестве свидетеля, что о. Матфей служил панихиды и на могиле блаженного, и в квартире Любви Михайловны. По словам Владыки, в «культе почитателей» Матвея Татомира «занимал место» и так называемый кружок Зарнекау, по делу которого осенью 1930 г. были арестованы и осуждены известные ленинградские протоиереи Михаил Чельцов и Василий Прозоров⁵.

⁴ *Левитин-Краснов А.* Лихие годы 1925–1941. Париж, 1977. С. 201–202.

⁵ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх.-след. дел, д. П-32596, л. 32–33, 36.

Первый раз о. Матфей (Челюскин) был арестован ОГПУ 9 марта 1931 г. по делу «контрреволюционной группировки бывших офицеров гвардейской артиллерии» в числе двенадцати других обвиняемых в антисоветской агитации. Однако обыск в комнате иеромонаха ничего компрометирующего не дал, а сам он на допросе 12 марта заявил: «С мирскими людьми я все порвал». Уже 16 марта было принято постановление о том, что инкриминируемое М. Челюскину обвинение в процессе следствия не подтвердилось, а 6 апреля решением Полномочного Представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе дело в отношении о. Матфея и еще троих обвиняемых было прекращено за отсутствием состава преступления, а сами они вскоре освобождены⁶.

Однако иеромонах оставался на свободе меньше пяти месяцев. 20 августа 1931 г. в газете «Безбожник» появилась подписанная инициалами Н.В. погромная статья «Культ «молчальника» Патермуфия в Ленинграде». В ней выливался «ушат грязи» в целом на Лавру, в частности лживо утверждалось, что в 1918 г. в обители были якобы «зверски растерзаны фанатиками-торговцами два красноармейца при попытке правительства занять под лазарет часть покоев». Также говорилось, что большинство зданий монастыря уже занято советскими учреждениями, школами, детскими садами и квартирами рабочих, но еще существуют четыре кладбища и три церкви, где служат 10 «попов» и около 40 монахов. Главный же удар в статье наносился по почитателям захоронений блаженного Матвея, иеросхимонаха Алексия и особенно — молчальника Патермуфия, «нити» от которых якобы тянулись к «монархисту» митрополиту Ленинградскому Серафиму (Чичагову). Автор статьи утверждал, что у почитаемых могил осуществляется спекуляция предметами религиозного культа, ведется антисоветская агитация против колхозов, займов и призывал «прекратить это мошенничество»⁷. После таких обвинений репрессии стали неизбежны.

Упомянутые в статье захоронения иеросхимонаха Алексия и схимонаха Патермуфия находились на Тихвинском кладбище Лавры. Старец Алексей (в миру Алексей Константинович Шестаков) был известен тем, что у него в келии в 1825 г. перед отъездом в Таганрог, где и окончил свою жизнь, побывал император Александр I. Народная молва приписывала иеросхимонаху будто бы

⁶ Там же, д. П-77574, л. 79–82, 96, 142, 207.

⁷ Безбожник. 1931. 20 августа. № 45 (475).

данный государю «совет преобразиться в старца Федора Кузьми-ча». Скончался схимник 25 мая 1826 г. на 75-м году жизни и был погребен на главной дорожке Тихвинского кладбища. На его могиле в 1920-е — начале 1930-х гг. всегда горела лампада. Даже в упомянутой статье газеты «Безбожник» отмечалось, что могила пользуется большим почитанием, однако ошибочно утверждалось, что по представлению верующих иеросхимонах якобы «благословил «царя-мученика» Александра II и предсказал ему будущее»⁸.

За могилой схимника Алексия, как и за погребением другого старца — Патермуфия, ухаживали члены одного духовного кружка, возникшего в середине 1920-х гг. и возглавляемого бывшим швейцаром покоев митрополита Петроградского Вениамина Сергием Афанасьевичем Салькиным. Схимонах Патермуфий в начале XIX в. был насельником Отенского Новгородского монастыря, затем оставил его, начал «жизнь юродственную» и долгое время провел, сидя на дороге между Петербургом и Новгородом во всякую погоду, без крова и почти без пищи. Тридцать лет старец ни с кем не говорил, но имел «дар прозорливости и рассуждения», тем «кто с верою спрашивал о чем, отвечал минами и верно». Только под старость Патермуфий пришел в Александро-Невскую Лавру, скончался в обители в 1830-х гг. и был погребен у северных ворот Тихвинского кладбища, рядом с каменной сторожкой, в которой молчальник по преданию жил перед смертью «в непрестанной молитве и в строгом посту», и где однажды нашли его мертвым⁹.

А. Краснов-Левитин вспоминал в своей книге и о посещении могилы старца Патермуфия: «...рядом с памятником Огинскому, на котором высечены ноты знаменитого полонеза, могила другого схимника — отца Патермуфия, и рядом — каменная будочка, на дверях надпись: «Здесь жил и молился затворник, молчальник схимонах Патермуфий». Входим в келейку. Земляной пол, каменные стены. Полтораста икон, около 30 теплящихся лампад. Скамейка, приделанная к стене. Здесь я просиживал часами... В мое время могилой ведала пожилая Мария Ивановна (купеческая дочка), заботами которой теплились лампы перед иконами. Иконы же жертвовали многочисленные почитатели памяти отца Патермуфия. Богомольцы много говорили тогда о поднимающейся плите на мо-

⁸ Там же.

⁹ Старец Патермуфий // С.-Петербургские епархиальные ведомости. 2000. Вып. 23. С. 83; *Левитин-Краснов А.* Указ. соч. С. 202–203.

гиле старца. В этой поднимающейся плите ничего необычного не было; просто происходила осадка питерской глинистой почвы. Но все мы, конечно, видели в этом чудо. В келье был земляной пол, но от множества лампад никогда не бывало холодно. Всегда приходило много народа. Здесь обсуждались церковные новости»¹⁰.

Упомянутая помощница С.А. Салькина Мария Ивановна Чиркова была дочерью богатого купца-хлеботорговца Федотова и до 18 лет воспитывалась у дяди-старообрядца, городского главы г. Моршанска Тамбовской губернии, откуда была родом. Почитание старца Патермуфия стало широко распространяться с 1924 г. Считалось, что он помогает в «бытовой области», и верующие просили схимника послать средства к жизни, устроить на работу, предотвратить развод, уладить скандал и т.п. К началу 1930-х гг. могилу, по оценке властей, в будни посещало 400–500, а в праздники — 700–900 человек, в основном «люди интеллигентные и бывшие». Наиболее щедрым жертвователем на улучшение состояния захоронений старца Патермуфия и блаженного Матвея был некий профессор. Но, в отличие от общины при часовне-склепе Матвея Татомира, члены духовного кружка на Тихвинском кладбище с 1928 г. придерживались иосифлянского направления. С.А. Салькин с 1918 г. активно участвовал в деятельности Александро-Невского братства, дав в это время «клятву перед гробницей Александра Невского грудью защищать Лавру», и вскоре после возникновения движения, духовно возглавляемого митрополитом Иосифом, стал его убежденным сторонником. Особенно значение кружка на Тихвинском кладбище выросло после закрытия последних иосифлянских церквей Лавры и ареста почти всех монахов-иосифлян. Епископ Николай (Ярушевич) отмечал это в своих свидетельских показаниях: «После ликвидации иосифлянских церквей в Лавре было на кладбище усилено почитание Патермуфия, одним из вдохновителей усиления был Салькин — к могиле Патермуфия стали стекаться иосифляне, где вели агитацию против «сергиевщины»¹¹.

Еще одни интересные воспоминания о кружке почитателей старца оставила дочь петербургского протоиерея Владимира Шамонина Елена Владимировна: «...в начале марта 1927 года, Владыка Мануил [Лемешевский] с Соловков написал мне, чтобы яшла на

¹⁰ Там же. С. 203.

¹¹ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх.-след. дел, д. П-32596, л. 3, 36; *Безбожник*. 1931. 20 августа.

Тихвинском кладбище лавры могилу монаха Патермуфия и могилу схимон. Алексия. Немедленно двинулась на розыски... И быстро нашла каменную плиту, почти вросшую в землю, где была высечена надпись: «Здесь покоится прах монаха Патермуфия». Плита была огорожена железной оградой, также вросшей в землю. Могилка старца оказалась под окошечком маленького домика, как я поняла, сторожки. Дверь в нее была открыта. Я заглянула... В полу стояла вода, на которой были настелены доски, и на них, на коленях, молился пожилой человек. В углу, перед иконой Божией Матери, похожей на картины итальянских художников, горела лампадка. Я сразу узнала молящегося, когда он обернулся: это был старый швейцар митрополичьих покоен Сергей Афанасьевич. Мы не были знакомы, мне его называли давно наши лаврские богомольцы — он всегда стоял за службами... Всегда один и глубоко сосредоточен. Неутешная скорбь была написана на его благообразном, благоговейном лице. Мне рассказывали, что Сергей Афанасьевич живет один и весь погружен в молитву и незабвенную память покойного Митрополита Вениамина, у которого он служил, расстрелянного большевиками летом 1922... В следующие мои посещения я его не встречала — он приходил рано. Нашла я его там, придя в тот день, сразу после открытия ворот кладбища.

Вместо Сергея Афанасьевича в домике Патермуфия появилась женщина лет 60-ти, потом стали приходиться сюда молиться люди и приносить иконы и лампады, которыми вскоре и были заполнены все стены. У задней стены было нечто вроде скамьи и ложа — здесь отдыхал когда-то ночной сторож, но все посетители «домика» были уверены, что это ложе старца Патермуфия. Сбоку, в «головах» этой скамьи я заметила громадную, совершенно черную икону на толстой доске, и с трудом разобрала, что это — «Покров» Пресвятой Богородицы, в уголке иконы изображена Богородица как Посетительница больного. Это изображение называется «Целительница». Женщину, присматривающую за «домиком» и за лампадами, звали Мария Ивановна, и она там находилась с открытия до закрытия Тихвинского кладбища ежедневно. Лампад стало очень много. Люди клали копейки на масло. В окошке на широком подоконнике стоял канун, т.е. металлическое распятие, перед которым возжигали и свечи, принося их с собой, и всегда горела лампадка.

В домике царил атмосфера тишины, радости, дружелюбия. Душа там отдыхала... Я выпросила у Марии Ивановны маленькую, тоже старинную, но «фряжского» письма иконку «Целительницы»,

и хранила ее как благословение о. Патермуфия. Я немного умела рисовать и по просьбе Марии Ивановны стала писать на фанерных досочках маленькие иконки Ангела о. Патермуфия — египетского подвижника прп. Патермуфия, по 25, 35 и 50 копеек. Деньги тогда были дорогие, и этот мой труд был каким-то подспорьем в нашей убогой, почти нищенской жизни. Иконки раскупали охотно, а я все более связывалась духовно с почившим подвижником...

Прошло 4 года моего нахождения около «домика». Мария Ивановна и многие постоянные посетители заметили, что каменная плита-надгробие стала подниматься из земли; особенно это было заметно в ногах гроба старца. Люди стали получать по молитве своей помощь от о. Патермуфия. В «домике» уже горело 40 (!) лампад и число богомольцев все увеличивалось. Уже не бывало весною «половодья» на пути к благодатному домику — в конце зимы весь снег по пути к могилке старца тщательно убирали, и вокруг домика весь снег расчищался. Благодать Божия согревала сердца и утешала скорбные души верующего народа Его. Так было до страшной ночи на 18 февраля 1932... Иконы увезли, как вредный хлам, а Марию Ивановну забрали. На нее был, конечно, написан донос. Арестован был и Сергей Афанасьевич, чтобы испытать чашу своего Владыки. Я уцелела. Мой нищенский «туалет» с чужих плеч и жизнь в вонючем подвале спасли меня от зависти, а значит и от доносов. В лагерь я попала много позже, через 12 лет¹².

С.А. Салыкин и М.И. Чиркова действительно были арестованы вместе с иеромонахом Матфеем (Челюскиным), но только не в феврале 1932 г., а 1 сентября 1931 г. — всего лишь через 10 дней после появления статьи-доноса в газете «Безбожник». В постановлении об обыске и аресте проживавшего в здании Лавры Сергея Афанасьевича говорилось, что он, «провозгласив чудотворные свойства могилы монаха Патермуфия, занимается спекуляцией на религиозных предрассудках верующих и ведет антисоветскую агитацию». На допросах С. Салыкин вел себя мужественно и не скрывал своих убеждений, заявляя: «Стою за истинно-православную веру, и политику существующего советского строя, поскольку она безбожная, не признаю». Сергей Афанасьевич говорил, что он выступал «за вовлечение народа в Церковь Христову, возглавляемую митрополитом Иосифом», и после закрытия в Лавре всех иосифлянских храмов «стал строить единение народа, измученного советской вла-

¹² Старец Патермуфий. С. 83–84.

стью, у могилы святого праведника Патермуфия». Органы ОГПУ обвиняли Салыкина также в том, что он отождествлял советскую власть с антихристом и якобы говорил о наступлении страшного суда на Пасху 18 апреля 1933 г.¹³

Отец Матфей подробно рассказал на допросе о почитании блаженного Матвея Татомира, но своей вины в антисоветской деятельности не признал. В качестве вещественных доказательств в деле сохранились уникальные рукописные брошюры «Чудеса Матвея блаженного» и «Жизнь Матвея блаженного», фотографии Татомира, а также групповой снимок 1922 г. на могиле блаженного, где изображены Л.М. Лимонштайн, М. Челюскин, супруги Бобровы, А.В. Адамович и другие почитатели Матвея Татомира. После ареста обвиняемых были уничтожены «келия» схимонаха Патермуфия и надгробия старцев на Тихвинском кладбище. Часовня же блаженного Матвея сохранилась. Из свидетельских показаний архим. Иоасафа (Журманова) от 27 сентября 1931 г. видно, что кладбищенская администрация после ареста иеромон. Матфея лишь заделала входное отверстие в склеп, но на это место кем-то был поставлен мраморный панихидный столик. В часовне по прежнему горели лампы, почитатели ставили свечи и прикладывались к портрету блаженного, как к святыне. При этом лаврские монахи Герасим (Бекетов), Зосима (Шулдяков) и другие некоторое время дежурили у ворот Никольского кладбища, предупреждая посетителей: «Не ходите на могилу блаженного Матвея — там всех арестовывают»¹⁴.

16 ноября 1931 г. следствие было закончено и составлено обвинительное заключение, в котором арестованные обвинялись в том, что они: «1. Эксплуатировали верующие массы с целью личной наживы; 2. Могилы «молчальника» Патермуфия и блаженного Матвея превратили в подпольные сборища разных бывших людей и верующих; 3. Придали этим могилам чудодейственные способности и вместе с бывшими людьми, измышляя «чудеса» и «знамения», среди верующих вели систематическую контрреволюционную агитацию; 4. Отождествляли Соввласть с властью антихриста и запугивали верующих «страшным судом»; 5. Усугубляли религиозные предрассудки верующих масс и настраивали их против всех текущих мероприятий Соввласти». В обвинительном заключении отмечалось, что «контрреволюционная агитация» велась на кладбищах

¹³ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх.-след. дел, д. П-32596, л. 63–64.

¹⁴ Там же, л. 35–43.

Александро-Невской Лавры, Смоленском и ряде других, но особенно на могилах Матвея Татомира и Патермуфия (т.е. они были наиболее почитаемы и посещаемы верующими северной столицы). 3 декабря 1931 г. Полномочное Представительство ОГПУ в Ленинградском военном округе приговорило всех трех подсудимых к 5 годам концлагеря, но более высокая инстанция — Коллегия ОГПУ 14 декабря пересмотрела этот приговор и постановила осудить иеромон. Матфея (Челюскина) на три года заключения в концлагерь, а С.А. Салыкина и М.И. Чиркова на 3 года высылки в Северный край. Уже 21 декабря 1931 г. их отправили по этапу в Архангельск, о. Матфей же отбывал свой срок в Беломоро-Балтийском лагере на строительстве канала (позднее в 1937 г. он был расстрелян в гор. Калинин вместе с бывшим наместником лавры епископом Григорием)¹⁵.

Часовня-склеп Матвея Татомира сохранилась до настоящего времени, и хотя сами мощи блаженного стараниями митрополита Ленинградского Антония (Мельникова) были в середине 1980-х гг. перенесены в алтарь Никольской кладбищенской церкви, много людей приходит помолиться к часовне. Уничтоженное надгробие молчальника Патермуфия в настоящее время планируется восстановить или установить на месте захоронения новое.

¹⁵ Там же, л. 65–67.